

18+

Брось мне вызов

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ AMAZON № 1

Задание еще не выполнено, но будет. Во мне просыпается азарт. ЭЛЬ

Возможно, это лучший способ использовать Эль Страйкер –
для меня и против Дэниела. КОЛТОН

ЛОРЕН ЛЭНДИШ

Лорен Лэндиш
Брось мне вызов
Серия «Запретное желание»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64107641

Л. Лэндиш. Брось мне вызов: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-127522-8

Аннотация

Подруга бросила мне вызов, от которого стоило бы отказаться. Но я зависима от адреналина, поэтому я здесь, пытаюсь очаровать Колтона Вулфа – своего грозного и невероятно сексуального босса.

Знаю, звучит безумно, но я зашла слишком далеко, чтобы привлечь его внимание. И он стоит того: высокий, смуглый, с манящим британским акцентом, этот парень – просто идеал. Не считая одного: его совершенно не интересует то, что происходит вокруг. Его не интересую я.

Этот спор будет сложно выиграть. Но тем больше азарт: я должна заставить Колтона Вулфа в меня влюбиться.

Содержание

Пролог. Эль	5
Глава 1. Эль – позади четыре года и 1500 вызовов	13
Глава 2. Эль	35
Глава 3. Колтон	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Лорен Лэндиш

Брось мне вызов

Lauren Landish

The Dare

© Lauren Landish. All rights reserved

© В. Щербакова, перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Пролог. Эль

– Кивни, когда будешь готова, дорогуша!

Голос парня прорывается через шум, и его тexasский акцент звучит фальшиво.

Показушник... Но черт побери, как же классно он выглядит в этих обтягивающих джинсах, которые ничего не оставляют воображению! Каждому присутствующему здесь он как бы говорит своим внешним видом: «Что есть, то есть».

Я не осуждаю его, хотя не то чтобы я как-то от него отличалась.

Посмотрев на YouTube видео о том, как правильно обрезать шорты, я достала пару ковбойских сапог с настоящей бахромой и добавила к ним бюстгальтер пуш-ап, благодаря которому моя грудь выглядит на размер больше и буквально вываливается из глубокого декольте майки. Я выгляжу так, будто Дейзи Дьюк¹ и чирлидерша команды «Даллас Ковбойз» стали одним целым, чтобы принять участие в телешоу «Кто хочет стать сексуальной ковбойшей?».

Но как я вообще *здесь* оказалась?

Здесь – в баре, в опасном районе города, при этом я да-

---

¹ Вымышленный персонаж и секс-символ американского телесериала «Герцоги Хазарда» (The Dukes of Hazzard), вышедшего в 1980-е годы, сыгранный актрисой Кэтрин Бах. Дейзи Дьюк носила короткие джинсовые шорты и ковбойские рубашки, завязанные под грудь (*прим. пер.*).

же не знаю, как танцевать тустеп или лайн-дэнс и делать все остальное, что я вытворяю весь вечер.

Здесь — где мои ноги обхватывают механического быка из искусственной кожи, а неизвестный мне ковбой обнимает меня сзади. Как-то вышло так, что мы заняли одно седло, и это непрофессионально и очень неуместно, так что я обеими руками за.

Здесь — в моменте, ради которого я живу, когда моя кровь закипит, чтобы ощутить жар, проникающий в каждую клеточку моего тела.

Предвкушение. Азарт. Нетерпение.

Все эти слова так громко звучат в моей голове, что я не слышу ничего вокруг. Реальный мир исчез, страхов и сомнений больше нет — есть лишь надежда, что следующий вызов наполнит меня адреналином и даст воспарить над опасностью и риском.

Я как будто нахожусь в шаге от чего-то неземного.

Другой голос шепчет мне на ухо:

– Ты ведь не передумала? Кивни тому парню и давай прокатимся, детка.

Я не его детка, но я чувствую эйфорию и смотрю на ковбоя. У него голодные глаза: он хочет меня или увидеть, как я буду падать с этой штуки, — мне все равно.

Я киваю, в моей голове мелькает последняя сознательная мысль: у него такая красивая улыбка, — и все сливается в один сплошной крик.

Держись! Зажми коленями! Сожми веревку!

Одной рукой я держусь за узел веревки, а вторая, как одержимая, доли секунды болтается из стороны в сторону. Затем я уступаю и хватаюсь за узел обеими руками. Это дилетантский стиль, но мне плевать, я вою, кричу, схватившись изо всех сил.

Сидящий позади ковбой, имени которого я не знаю, обхватив меня руками, держится за основание веревки, а когда его и мои руки на веревке, это напоминает фаллический символ. При каждом резком движении быка он отстраняется, и его бедра сжимают меня. При столкновениях я чувствую своей задницей, какой он твердый и длинный, – это достаточно больно, так как толчки весьма неслабые.

Кажется, что оператор в сговоре с Ковбоем, поскольку толчки становятся не слишком резкими: мы вращаемся, но движения вперед и назад плавные и волнообразные. Ковбой стонет мне на ухо так, словно получает удовольствие, а не старается изо всех сил удержаться верхом.

Но я все еще держусь, надеясь дотянуть до восьми.

Бам-бам-бам.

На последнем маневре Ковбой врезается в мою задницу, и если бы не два слоя джинсовой ткани, такими толчками он, несомненно, с легкостью проник бы внутрь меня.

От этих мыслей я теряю равновесие и самообладание и съезжаю на бок. Ковбой пытается меня спасти, но я выскальзываю из его объятий и падаю на подушки вверх тормашка-

ми.

Толпа вокруг меня ликует, и мой взгляд устремляется на электронное табло.

Девять целых пять десятых.

Я жду, когда меня охватит второе приятное чувство.

Успех, достижение, сила.

Твою мать, я это сделала! Плюс дополнительное время!

Я поднимаюсь с пола и делаю круг почета, высоко поднимая колени и хлопая по выставленным ладоням.

Я подхожу к лучшей подруге, она хватает меня за плечи и трясет почти так же сильно, как бык.

– Господи! Ты сделала это, больная сучка! Это было что-то! Обалдеть! Да, черт возьми! – кричит она, фальшиво гнуся, и все вокруг нас скандируют, поднимая вверх бокалы с пивом.

Я улыбаюсь так широко, что щеки болят.

– Круто покатались. Как тебя зовут?

Низкий голос, раздавшийся позади меня, заставил меня повернуться. Ковбой смотрит на меня, как на легкую добычу. Как будто мы уже на полпути к прелюдии, и все со мной решено.

Я на секунду задумываюсь. Он ужасно сексуален. К тому же я знаю, с чем имею дело, поскольку ощутила это своей же задницей. Он отлично справился с ролью наездника и, возможно, так же неплохо проявит себя на сеновале. Эта сельская шуточка заставляет меня рассмеяться.

Тиффани хватает меня за руку и впивается в меня ногтями. Это универсальный код подружек, означающий «Нет, нет, нет, отмена миссии!».

Мне даже не надо смотреть на нее, я чувствую на себе ее прожигающий взгляд и дарю Ковбою самую очаровательную улыбку.

– Золушка, и мне пора.

Это наша игра в Золушку, наша шутка, означающая «беги с наступлением полуночи».

Тиффани помогает мне перелезть через отполированные деревянные перила и сбежать с родео, и мы убегает, заливаясь смехом, с развевающимися на ветру идеально струящимися локонами.

– Прости! – кричу я Ковбою, когда он просит меня подождать.

Я громко смеюсь, широко улыбаюсь и уворачиваюсь от официантки с полным подносом пива. Мы на парковке, выезжаем на улицу, и я спрашиваю, почему она не дала мне назвать Ковбою свое имя.

– Он такой сексуальный, Тифф. Он мог овладеть мной на всю ночь!

На пассажирском сиденье я сжимаю бедра, словно снова сижу на быке, и покусываю губу, будто нахожусь где-то не здесь. Если быть точной, под Ковбоем.

– Ты знаешь, что это так не работает, – с укором говорит она.

И она права. Мы постоянно бросаем друг другу вызовы и совершаем безумные поступки. Это неотъемлемая часть нашей классной дружбы.

Но у нас есть границы.

Ничего такого, что может нанести кому-то вред, никакого секса и ничего *действительно* незаконного. Иногда можно слегка нарушить правила, как, например, когда мы проникли на крышу школы, чтобы тайком попить спиртное и курить, но ничего за рамками дозволенного.

– Секс с Ковбоем не имеет отношения к вызову. Он мог стать моей наградой за успешно выполненное задание. Ты видела меня на том быке? И это не везение новичка. Может, я попала в полосу везения? – возвращаюсь я к теме, чтобы подразнить ее, хотя уже практически забыла о Ковбое и наслаждаюсь триумфом.

– Может быть, но ты не видела официантку, которая сверлила вас взглядом. Я сразу поняла, что если ты слезешь с быка и залезешь на Ковбоя, то потасовка начнется меньше чем через девять с половиной секунд, – говорит она серьезным тоном, но в ее голосе слышится нотка разочарования. Как будто она готова заплатить, чтобы увидеть драку с моим участием в ковбойском баре.

Но она замечательная подруга и спасла мне жизнь, выступив заядлой сторонницей правил. На самом деле ей плевать на правила, она регулярно меняет сторону, и это как раз в моем духе, так что мы – золото.

– Оу, нет. Я не видела ее. Спасибо, что спасла меня. – Я перегибаюсь через консоль и аккуратно обнимаю ее за плечи, чтобы не отвлекать от дороги.

Она быстро смотрит на меня, и на лице ее появляется улыбка.

– Черт возьми, ты реально прокатилась на том быке! Йу-ху-у! – кричит она в темноту ночи в открытое окно.

– Да-а-а! – отвечаю я так же громко.

Задание выполнено.

Мы въезжаем на парковку общежития с выключенными фарами в надежде, что охранники нас не заметят, поскольку родео – не единственный вызов этого вечера.

Несколько часов назад я бросила Тиффани вызов незаметно улизнуть. Если мы сможем пробраться обратно после комендантского часа так, чтобы нас не поймали, то она успешно справится с этим вызовом.

Мы паркуемся и выходим, притаившись среди машин. Не знаю, почему, но, похоже, это подлое занятие. Мы как-то слишком громко шикаем друг на друга, тихо хихикаем, но нам удастся пройти через все здание и вернуться в комнату общежития, оставшись незамеченными.

Лежа в кровати с умытым лицом и в пижаме, я вспоминаю события этой ночи. Черт, как же было круто!

Слабенький голосок пытается вмешаться и говорит мне, чтобы я была осторожнее, относилась к вещам серьезно и вела себя хорошо. Это голос отца, живущий в моей голове,

который цитирует все то, что он говорил мне бесконечное число раз все эти годы. Он все еще считает меня своей милой маленькой девочкой.

Но когда на одну чашу весов я кладу его приоритеты, а на другую – радостное возбуждение, которое испытываю от сумасшедших поступков, то отец всякий раз проигрывает. Мысленно я могу попросить его заткнуться и делать, что хочу, но я никогда не скажу ему этого лично, так как слишком сильно его люблю.

А еще я люблю совершать смелые поступки.

Глава 1. Эль – позади четыре года и 1500 вызовов

– Ай! – вскрикиваю я прямо во сне. Тейлор Свифт разбудила меня, и я ударилась головой о спинку кровати.

Раздраженно бурча, я хлопаю по будильнику рядом с кроватью, но он не отключается. Он орет еще громче, упав с тумбочки в кровать. Тейлор дерзко сообщает парню, которому посвящена эта песня, что они никогда больше не будут вместе. Рада слышать, но почему бы не дать мне поспать еще полчаса, прежде чем обсуждать твою любовную драму, Тей-Тей?

Продолжая бубнить себе под нос, я снова нажимаю на кнопку, и Тейлор берет октавой выше, отчего моя голова буквально взрывается. И зачем я опять купила будильник с такими маленькими кнопочками?

Мне понадобилось несколько нажатий и прицельный удар каратиста, чтобы заставить будильник замолчать. Надо бы не забыть купить новый, поскольку этот я могла уже сломать, а если даже нет, то вариант с огромной кнопкой отбоя был бы совсем неплох.

– Ну спасибо, – начинаю я ворчать, но прекращаю, почувствовав, что вдыхаю... клубок кошачьей шерсти? Откашлявшись, я с отвращением вытираю рот и, к сожалению, ничуть

не удивляюсь.

– Софи! – жалуясь я. – Ты опять сидела у меня на груди, пока я спала?

Моя черно-белая персидская кошка Софи Великолепная, которая, возможно, возомнила себя кем-то еще, со стола, куда она взгромоздилась, смотрит на меня надменным равнодушным взглядом и приступает к умыванию лапок. Не знай я ее так хорошо, поддалась бы искушению думать, что она не способна на такую подлость – оставить комок шерсти, чтобы он случайно оказался у меня во рту.

Но внешность обманчива.

Чаще всего Софи бывает лапочкой, но иногда она мой самый страшный кошмар. Мало того что я лишилась кресла в начале наших отношений, она еще и запрыгивает мне на грудь, когда я сплю. Моя светлая сторона искренне считает, что она охраняет меня и следит за моим дыханием. Однако моя темная сторона уверена, что она высасывает из меня жизненную энергию.

Но мне хватило ума не ждать ответа от моей пушистой компаньонки, я встаю и потягиваюсь. В голове я прокручиваю все то, что нужно сделать до работы: принять душ, побрить ноги, накраситься, одеться, а затем заехать за моей лучшей подругой Тиффани Янг, с которой мы подвозим друг друга на работу по очереди, и все это время я без умолку болтаю с Софи. Это одна из главных причин, почему я ее завела: так я хотя бы не выгляжу чудачкой, разговаривающей

сама с собой.

– Если не прекратишь оставлять мне шерстяные комочки на завтрак, то увидишь, как я лишаю тебя всех девяти жизней. – Мой голос обрывается, когда я делаю шаг вперед и падаю в кучу скомканных вещей. – Черт возьми!

Блин, я всегда такая неуклюжая?

Я мрачно смотрю на Софи, которая по-прежнему красиво сидит на столе, и вижу в ее глазах усмешку. Она наслаждается моей утренней неуклюжестью. Я дрыгаю ногами, пытаюсь высвободиться от джинсов, которые вчера ночью бросила на пол перед тем, как рухнуть в постель. Я знаю, что от входной двери и до последней кучки тянется цепочка одежды, и это значит, что нужно смотреть под ноги, чтобы больше не упасть. Хорошо, что во время битвы с будильником мне удалось не опрокинуть с тумбочки бокал вина, оставленный там прошлой ночью.

Ночь была потрясающей, если под выражением «потрясающая ночь» вы понимаете полтора бокала вина, любимого книжного героя и немедленный сон сразу после мастурбации. Если честно, иногда я именно так и считаю. В остальных случаях, как сейчас, я думаю, что мне очень, очень нужен механизм с пульсирующим устройством. Погодите, сердечко забилося чаще, потому что у Максимуса, моего парня на батарейках, есть импульсный режим. Очень хороший импульсный режим.

– Даже не смей хихикать надо мной, – предупреждаю я

Софи, стреляя в нее убийственным взглядом, и осторожно встаю на ноги. Она пропускает мои угрозы мимо ушей и даже отвечает мне милым мяуканьем, что противоречит ее злобной натуре.

– Клянусь, кто-то владеет темной магией...

– Папа, не читай мне наставления.

Снова играет музыка. На этот раз из моего телефона. Кажется, судьба решила посмеяться над моим музыкальным вкусом.

Черт. Только этого сейчас не хватало.

Часть меня хочет забить на все и собираться на работу. Но другая часть чувствует себя неловко от одной только мысли об этом. Есть люди, которых можно игнорировать, а есть такие, которых нельзя.

Если не ответить, то он так забеспокоится, что отправит «мальчиков» проведать меня.

Стоило только представить двух неуклюжих «нянек», моих двоюродных братьев, стоящими у двери, как я тут же передумываю и, вздохнув, нажимаю кнопку «Принять».

– Пап, – недовольно говорю я, когда красивое лицо моего отца Дэниела Страйкера появляется на экране телефона. По словам моей бестактной подруги, в свои сорок шесть он выглядит как «папочка, которого она бы отымела». Мне постоянно приходится ей напоминать, что это последнее, что мне хотелось бы слышать в жизни. Фу.

Благодаря строгой диете и постоянным тренировкам он

излучает молодость почти двадцатитрехлетнего. И это еще не все: он вице-президент «Фокс Индастриз», многомиллиардной компании, входящей в список журнала 'Fortune 500', что делает его самым желанным холостяком среднего возраста в нашем городе. Так заявляет пресса, а не он сам.

Конечно, приятно осознавать, что благодаря такой генетике я буду элегантно стареть, но, с другой стороны, очень и очень странно, когда приходится размахивать битой, отгоняя от него своих подруг. Они ведь могут решать свои проблемы отсутствия отцовской любви с кем-то другим, а не с моим отцом, так ведь?

– Я пытаюсь собраться на работу. Что-то срочное?

– Ох! – восклицает папа, игнорируя мое нытье. Его красивая мордашка сияет, как рождественская елка, когда мое лицо появляется на его экране.

– Вот и моя прекрасная маленькая принцесса!

Внезапно он резко отскакивает от экрана, его лицо искажается от ужаса.

– Черт возьми, малышка! Кажется, у Горгоны Медузы появилась конкурентка! – Он отправляет в рот несколько ягод малины: разговаривает со мной, готовя завтрак.

– Очень смешно! – улыбаюсь я, несмотря на раздраженность, и нисколько не обижаюсь. Он всегда дразнил меня за взлохмаченные после сна волосы. Эта шутка появилась еще в моем детстве, когда он мучительно и терпеливо пытался расчесать мои патлы перед школой. Все было настолько пло-

хо, что, будучи подростком, я стала делать шелковое обертывание, чтобы придать волосам божеский вид, но и это не сработало, потому что во сне я ворочаюсь, как одержимая девочка из фильма *«Изгоняющий дьявола»*.

Со временем я забила на это и ограничилась мытьем головы, большим количеством кондиционера и быстрой укладкой по утрам.

– Вообще-то не все выглядят по утрам так идеально, как вы, Ваше Величество, – отвечаю я, теща его самолюбие. – В свое оправдание могу сказать, что я только что выползла из кровати.

– Ты абсолютно права, – соглашается папа, проводя рукой по своим идеально зализанным назад волосам. Но в его глазах мелькает искорка веселья, и я убеждаюсь, что он не так уж высокомерен в своем «не сильно преклонном возрасте». – Только что встала, говоришь? Милая, тебе нужно наладить режим и найти время для себя. Рано ложиться, рано вставать, делать зарядку и съесть полезный завтрак, чтобы начать день правильно.

Это не только совет, но и сценарий его утра, в руке он держит стакан с какой-то зеленой жижей. Он делает неслабый глоток, и я морщусь от отвращения. Эта дрянь на вкус как трава, и я категорически отказываюсь завтракать чем-то, кроме кофе и печенья «Поп-таргс».

Я театрально закатываю глаза, чтобы он это заметил.

– Отстань. Мое утро не задалось с самого начала. Софи

опять играла в похитителя душ, а перед тем, как ты позволил, я запнулась и чуть не свернула шею. Хуже его может сделать только подглядывающий Том, которого я поймала возле своего окна пару дней назад.

Папа нахмуривает брови и наклоняется ближе к камере, весь на иголках и крайне серьезный.

– Подглядывающий Том? – Папа тяжело дышит в приступе гнева. – Прислать мальчиков на разведку?

У меня вырывается стон.

Но отца уже не остановить:

– Система безопасности с дверной и оконной сигнализацией. Может, мальчикам стоит остаться на пару ночей, посмотреть, смогут ли они поймать паршивца...

Моих двоюродных братьев, Билли и Рикки, или, как зовет их Тиффани, Бибоп и Рокстеди, отец как будто усыновил. У них куда больше мышц, чем мозгов, и они с отцом, который с самого детства посылал их следить за мной, уже сидят у меня в печенках.

Их главная миссия? Обеспечивать мою безопасность, что с легкостью перетекает во вторую миссию – никакого веселья для Эль. А сейчас я говорю о себе в третьем лице, как сумасшедшая. Спасибо, пап!

По крайней мере, мне всегда удавалось перехитрить Билли и Рикки, чтобы они не мешали моим выходкам.

– Пап, мы ведь уже это обсуждали, разве нет? – спрашиваю я устало, многозначительно глядя через камеру. –

Я взрослая женщина. Мне не нужно, чтобы кто-то приглядывал за мной, просто потому что у меня плохое утро. И вообще, нет никакого подглядывающего Тома, я пошутила. Съел?

Я высовываю язык, опровергая свое утверждение о том, что я взрослая.

– Ты серьезно? Но это не значит, что я перестану беспокоиться о тебе, Эль, – говорит отец, не обращая внимания на мою шутку. – Какой бы взрослой ты ни была, я всегда буду о тебе беспокоиться. Это мой долг.

Искренность в его глазах и проступившие на лбу тревожные морщинки трогают меня до глубины души, и на секунду я сочувствую ему.

В конце концов, учитывая историю нашей семьи, у него есть основания для беспокойства. Наша жизнь была похожа на сказку, но в один прекрасный день мама вдруг встала и ушла без объяснений. Она не оставила прощального письма, не сказала ни мне, ни ему, что любит нас.

Ничего.

Она просто испарилась, и с тех пор от нее не было никаких вестей.

Сначала мы подумали о самом худшем, и папа даже вызвал полицию, чтобы заявить о ее пропаже. Но она не пропала. Она просто бросила нас. Сказать, что папа был опустошен, значит ничего не сказать. Смысл его жизни, его спутница, его сердце – все словно вырвали из груди.

Позже мы узнали, что у нее была интрижка со старым приятелем из колледжа. Он устал быть просто хахалем на стороне и поставил ей ультиматум: либо он, либо семья.

Она выбрала его, и с тех пор я не получала от нее даже открыток на дни рождения.

После этого папа стал замкнутым, сосредоточился на мне и на работе, именно в таком порядке. Какое-то время я радовалась тому, что нахожусь в центре его внимания. Несмотря на уход матери, я чувствовала себя защищенной, утешенной и любимой, папа отлично справлялся со своей задачей. И каким-то образом ему удавалось оставаться самой настоящей «рабочей лошадкой». Когда я узнала значение слова «эффективный», то сразу же представила папу. Он отвозил меня в школу к восьми, и даже если я хотела поехать домой с двоюродными братьями или подругой, он всегда ждал у школы в пять тридцать, чтобы отвезти на урок балета, к девочкам-скаутам или еще куда-нибудь. Он даже готовил, и готовил очень вкусно. В нашем доме не было никаких консервированных спагетти! Он прекрасно справлялся, и все казалось таким простым и непринужденным.

Но все изменилось, когда я повзрослела.

Я стала думать совершенно иначе, решив, что если жизнь в безопасности не гарантирует полного счастья, то почему бы не попробовать принцип «живем только раз»? Если мне дана только одна жизнь, я обязана прожить ее на всю катушку.

Да, иногда бывает страшно. Пару раз я чуть не спрыгну-

ла с крыши в бассейн и все-таки упала в него, задев бортик, разбила нос, после того как несколько десятков раз покрутилась вокруг бейсбольной биты. Однажды я решила, что справлюсь с крепким алкоголем, хотя прежде не пила ничего, кроме пива. И это только то, о чем знает папа.

Так или иначе, я не могла проигнорировать ни один вызов, каким бы безумным он ни был. Если кто-то произносил волшебные слова: *«Бросаю тебе вызов»*, я тут же вступала в игру.

– Перестань за меня волноваться, – говорю я папе, очнувшись. – Ты знаешь, что я могу о себе позаботиться. Клянусь богом, Билли и Рикки сделали все, чтобы я знала, как одним ударом расплющить парню яйца, как яблочный пирог, и я уже стала взрослой, чтобы ругаться матом.

Папа кряхтит от боли, как будто он слишком хорошо представил себе, как сплющивают его семейные драгоценности. Затем он бормочет что-то, подозрительно напоминающее фразу «хорошие мальчики».

Я перебиваю его, желая сменить эту тему, которую мы уже избивали до полусмерти, реанимировали, словно зомби, а затем опять избивали.

– Мне надо собираться. Но пока я не ушла, расскажи быстренько, как проходят поиски второй штаб-квартиры для «Фокс»?

Папа оживляется, расправляет плечи и кладет подбородок на руки, сложенные ладонями друг к другу, его глаза заго-

раются от волнения. Если он и любит что-то почти так же сильно, как и меня, так это свою работу. После того как я вылетела из гнезда, сначала в колледж, а затем в собственную квартиру, он смог взмыть вверх по карьерной лестнице еще быстрее.

Недавнее объявление о том, что «Фокс Индастриз» собирается приобрести вторую штаб-квартиру вместе с региональным президентом для ее управления, заставило всех руководителей высшего звена броситься на поиски лучшего места для компании.

Ходят слухи, что папа намерен попасть в число топ-менеджеров компании.

– Все супер! Совет пока что слушает презентации, но думаю, что скоро начнется голосование. Если все пойдет по плану, то перед тобой новый президент второй штаб-квартиры «Фокс»! – Папа ликует. Я хлопаю в ладоши и кричу, заставив Софи подпрыгнуть от внезапного шума.

– Ого, здорово! Я так рада за тебя!

Отец сияет, но затем наклоняется вперед и выжидающе смотрит на меня. Даже сквозь экран в его взгляде читаются серьезность и осмысленность.

– Если я заключу сделку и получу повышение, ты знаешь, что это значит?

Я совершенно точно это знаю.

Приходи ко мне работать.

Может, он и разрешил мне жить в общежитии в колледже

и, конечно, иметь собственную квартиру, но он по-прежнему хочет, чтобы я оставалась в пределах досягаемости. Все-таки я его маленькая девочка.

Несмотря на то что это чувство рвет меня на куски, я не могу сказать ему об этом сейчас. Не теперь, когда мы уже столько раз обсуждали, что я хочу добиться чего-то сама, а не за счет его фамилии.

Понимая, что у меня нет времени спорить, я меняю тактику и перехожу на тему, которую он совершенно точно откажется обсуждать со мной.

– Ага! Значит ли это, что ты наконец найдешь счастливицу, с которой разделишь свой головокружительный успех?

Он тут же смотрит через плечо, откашливается, а затем снова смотрит в камеру.

– Знаешь что? Мне пора собираться на встречу, – говорит папа. – Хорошего дня, малявка.

Подмигнув, он отключается, и экран моего телефона меркнет.

– Ты можешь в это поверить, Софи? – говорю я, совсем не удивившись реакции моего отца. Он всегда нервничает, когда я требую от него найти партнершу, и иногда я использую эти знания в свою пользу.

– Ему нужен детальный отчет о моей личной жизни, но как только я пытаюсь узнать последние новости про него, он сразу превращается в Каспера и исчезает.

Естественно, Софи не отвечает, и я смотрю на часы.

8:05... *Меньше часа, чтобы собраться, захватить за Тифф и лететь на работу.*

– Твою мать! – кричу я, проклиная папу за то, что он потратил мое драгоценное время. – Надо собираться!

Я перепрыгиваю через кровать, едва не упав и не расшибив голову о комод, и в два счета оказываюсь в душе. Я успеваю лишь быстро побрить ноги, прежде чем вытираюсь полотенцем. Я использую свой запасной вариант – собираю волосы в хвостик, потому что на кондиционер и укладку феном уже не остается свободного времени, которое папа израсходовал.

Я наношу легкий макияж, делаю акцент на ресницах, крашу губы красной матовой помадой, пшикаю на себя пару раз из флакона духов с древесным ароматом, а затем надеваю белую классическую рубашку и узкую черную юбку-карандаш. Красные туфли на каблучке завершают образ, придавая строгому образу изящества и элегантности.

– Ладно, Софи, – говорю я ей, крутясь перед зеркалом.

Я выгляжу собранно и профессионально, как деловая Барби, со светлыми локонами, большими голубыми глазами и сиськами, слишком большими для моей фигуры – спасибо маме. Но я знаю, как использовать все это в своих интересах. Люди зачастую не ожидают, что такие мозги, как у меня, могут находиться в подобной оболочке, и я с радостью позволяю им недооценивать меня, а сама тем временем сношу головы, надираю задницы и избавляюсь от конкурентов.

– Доверяю тебе держать оборону. – Я хватаю сумочку и ключи от рабочего кабинета с комода и иду к входной двери, бросая через плечо: – Постарайся не разнести дом, пока меня не будет, ладно?

Она мяукает... И это может означать как хорошее, так и плохое.

В суматохе добираясь до квартиры Тиффани, я чуть не попала в небольшую аварию, когда летела по городу на всех парах. Но, подъезжая к обочине, я не увидела подругу, что довольно странно, потому что она всегда в это время уже стоит на улице.

Я жду несколько минут, а затем опускаю окно и начинаю сигналить, выкрикивая:

– Давай, Тифф, нам пора ехать!

Тиффани не появляется, я сердито ворчу, выпрыгиваю из машины и поднимаюсь по лестнице на второй этаж, готовая забарабанить в ее дверь. Я делаю лишь пару шагов, как вдруг слышу раскатистый бас: *«Шевели задом, но осторожней там»*.

– Что... за... хрень? – бормочу я, поднимаясь по лестнице, и стучу в дверь.

– Тиффани! – Я пытаюсь перекричать музыку и замечаю несколько любопытных соседских глаз, выглядывающих из-за штор: – У тебя есть три секунды, чтобы выйти, или я уезжаю!

Как по волшебству, дверь открывается, но вместо Тиффани я вижу ее старшего брата, Эйса Янга, в расстегнутых джинсах, без рубашки и с банкой пива в руке.

Когда-то давно он был невероятно горяч, и я сказала об этом Тиффани, когда он приезжал к нам в общежитие. Я впервые увидела его, разлегшегося на ее кровати, подумала, что она замутила с ним, и очень гордилась своей девочкой. Однако я была счастлива ошибиться, ведь по девчачьему кодексу он относился к категории «Смотреть, но не трогать».

Но дни его триумфа закончились.

«Какого черта творит этот придурок, напиваясь с самого утра?». Мысль мелькает в моей голове, но я решаю, что не хочу ничего знать, когда запах его пивного дыхания ударяет мне в нос. Он выглядит паршиво: когда-то плоский живот заплыл жиром и обмяк.

– Эль? – спрашивает Эйс, пьяный в стельку, заставляя меня задуматься, что же не так с этим парнем. В последний раз я слышала, что он нашел хорошую работу на севере, встретился с потрясающей девушкой и планировал жениться на ней. Но месяц назад он, к ужасу Тифф, загадочным образом вернулся, угрюмый, молчаливый, безработный и очень одинокий, и устроился на ее диване.

И с тех самых пор он сводит ее с ума.

– Как делишки?

– Привет, Эйс. Где Тифф? – громко спрашиваю я, пытаюсь перекричать грохочущую музыку и игнорируя его вопрос,

потому что не хочу завязывать с ним разговор. – Мы опаздываем на работу.

На самом деле мы не опаздываем, но запас времени иссяк, и пора выезжать.

Эйс открывает рот, чтобы ответить, как вдруг его отталкивают в сторону, и знакомый голос рычит:

– С дороги!

Тиффани, моя лучшая подруга и сообщница с первого курса колледжа, выглядит измотанной: ее темные волосы собраны в небрежный хвост, рубашка помята и неправильно застегнута, одна сторона длиннее другой, не говоря о том, что ее, по идее, не мешало бы заправить.

У нее яркие озорные глаза и бойкая манера поведения, из-за чего некоторые люди думают, что мы странная парочка. Друзья должны оберегать вас от неприятностей и давать мудрые советы, если вы задумали какую-нибудь глупость. С Тиффани же как раз наоборот.

Я уже была маленьким сорвиголовой до нашей встречи, но она стала моим главным подстрекателем, постоянно бросая мне вызовы и поднимая ставки.

Она стала чем-то вроде дьявола на моем плече.

Тельмой для моей Луизы.

И я люблю ее за это, потому что мы пережили много замечательных мгновений вместе. Действительно замечательных.

Выходить из дома едва собранной совсем не в стиле

Тифф, потому что, помимо прочего, она упорядочивает мой хаос. Так задержаться она могла только по-чертовски веской причине.

Я открываю рот, чтобы спросить, почему так долго, но она проходит мимо меня, летит к машине, бросая через плечо:

– Пойдем. Объясню все в машине.

– Пока, Эйс, – быстро говорю я, поворачиваюсь и убегаю вслед за Тиффани.

– Увидимся, Эль, – отвечает Эйс, глядя на меня мутными глазами. Где-то позади него музыка просит меня и всех в здании «похвастаться тем, что у тебя есть».

Браво, Эйс. Высший класс.

Тиффани кричит через плечо:

– Вырубил эту срань, пока мои соседи не вызвали копов!

По крайней мере, он выглядит огорченным, и, прежде чем мы успеваем закрыть двери машины, музыка затихает.

– Что, черт возьми, это было? – спрашиваю я, когда мы отъезжаем от обочины. – Напивается с самого утра?

Тиффани откидывает голову на подголовник, ее глаза закрыты.

– Я убью его. Братец не спал всю ночь, а сегодня утром сорок пять минут торчал в ванной, делая бог знает что, потому что он, черт возьми, не душ принимал.

Она так мило морщит носик, даже рассказывая об ужасной вони от Эйса.

– Дрочил? – предполагаю я.

Тиффани издает рвотные звуки.

– Фу! А если серьезно, я не знаю, что с ним делать. Он берет себя в руки, готовый покорять мир, затем возвращается тень его прежнего «я», отказывается говорить о том, что произошло, превращает мою гостиную в свое логово, – рычит Тиффани, но ее запал угасает, сменяясь грустью. – Как будто он встретил какого-то сумасшедшего суккуба, который высосал из него жизнь и занял его место...

На мгновение она теряет голос, качая головой. В ее глазах читается обеспокоенность, и меня охватывает чувство глубокой печали. Я знаю, что Эйсу больно, и все, что с ним происходит, причиняет боль и Тиффани, потому что она любит своего брата так же, как я люблю такос и тортики, а значит, очень сильно. Жаловаться на него – ее способ справиться с этим, и, я подозреваю, также и способ придумать план, как вытащить его из этого хаоса.

Так Тиффани выражает свою любовь. Она принимается разгребать чужие проблемы, даже если никто не просит об этом.

– Может, стоит предложить ему помощь? – тихонько спрашиваю я. – Что бы с ним ни происходило, это ненормально.

– Сама знаю, – бубнит Тиффани. – Более того, я уверена, что в таком состоянии он пошлет психотерапевта куда подальше.

Она выглядит грустной и задумчивой и покусывает нижнюю губу.

– Я действительно переживаю за него и только поэтому терплю это все... Пока что.

Я вытягиваю руку и мягко глажу ее по ладони.

– Все будет хорошо, Тифф. Он обязательно придет в себя.

– Надеюсь, – вздыхает Тиффани. – Очень надеюсь. Но если он не возьмет себя в руки, мне придется принять твердое решение относительно него.

Именно это мне и нравится в Тиффани. Она может молотить чепуху и быть первоклассным подстрекателем, лишь бы подурачиться, но когда дело касается серьезных проблем, она ведет себя очень зрело.

– Кстати, – говорит Тифф, быстрым движением ладони вытирая заблестевшие от слез глаза, – у тебя уже был традиционный утренний созвон со своим папочкой?

– Тифф! – протестую я, возмущенная прозвищем, которое она дала моему отцу. Тиффани, к сожалению, дала мне понять, что без ума от него.

Я, в свою очередь, дала ей понять, что он – табу, потому что от одной только мысли об их романе у меня начинался мандраж. Я люблю папу и хочу, чтобы он нашел идеальную женщину: взрослую, образованную – ту, что будет с ним на равных.

И хоть я всем сердцем люблю Тиффани, но она не подходит ни по каким параметрам.

– Что? – спрашивает Тифф с невинным видом, пока я испепеляю ее взглядом.

– Хватит его так называть! Кажется, Эйс не единственный, кому нужно записаться к психотерапевту. – Я перехожу на официальный тон, изображая себя на рабочем месте. – Так, проблемы с папой... Сюда, пожалуйста.

– Я просто прикалываюсь, остынь.

– Да, я говорила с ним утром... И нет, он не спрашивал о тебе.

– Да мне все равно, – смеется Тиффани, решив не развивать эту тему, чтобы не бесить меня.

Все идет хорошо, пока мы не съезжаем с автострады и не встаем в пробку.

– Ох, – стонет Тиффани, когда мы видим, как четыре машины проезжают перекресток и останавливаются. – Как будто всем разом приспичило куда-то поехать!

– Что прикажешь делать? – спрашиваю я, постукивая пальцами по рулю. – Впереди мусоровоз.

– И что? – спрашивает Тиффани.

– В смысле «и что»?

Тиффани усмехается и указывает на пустую встречную полосу.

– Объезжай.

Я смотрю на ее ухмыляющееся лицо, на котором нарисовалась идеальная белоснежная улыбка, так хорошо знакомая мне.

– Ты с ума сошла? Сама знаешь, что на таких перекрестках обычно дежурят копы...

– Просто обгони его. Слабо?

Слова повисли в воздухе, и Тиффани улыбается еще шире, когда я переключаю внимание на дорогу и кладу руку на рычаг коробки передач.

– Ладно... на зеленый.

Как только загорается зеленый, я жму на газ, включив первую передачу на «Камаро», и поворачиваю руль влево. Я чувствую мощный выброс адреналина в кровь, когда мы пролетаем через перекресток и устремляемся дальше. Впереди я вижу препятствие – грузовик аварийной службы канализации, но теперь я наготове.

– Эль, там... – кричит Тиффани, но я все вижу. Регулировщик, движение... Встречное движение.

Я сильнее жму на педаль, проскакиваю в зазор и выкручиваю руль вправо, едва не поцеловав бампером мамашку на огромном внедорожнике.

– Да!

Я продолжаю движение, быстро повернув направо и еще через квартал налево, чтобы скрыться от полицейских, если те надумали меня преследовать, и возвращаюсь на главную дорогу, сбавляю скорость, как ни в чем не бывало.

– Было весело! – Я глажу свою малышку по приборной панели. – Молодец, Камми.

Сидящая рядом со мной Тиффани выглядит так, будто готова расстаться с завтраком. Держу пари, она пила только кофе. Вытирая пот со лба, она произносит:

– Черт возьми. Это было опасно!

Я ухмыляюсь, как будто сделала что-то невероятное. Это было не опасно. Это был самый настоящий скотский поступок, и все те люди имели полное право сигналить мне вслед, но это было не так страшно, как считала Тиффани.

Испытание пройдено.

Адреналин улетучивается, оставляя после себя приятное чувство эйфории и покалывание внутри, и я готова ворваться в новый день.

Глава 2. Эль

Такую штаб-квартиру, как у «Фокс Индастриз», редко встретишь в корпоративном мире: это здание вообще *не похоже* на штаб-квартиру. Не поймите меня неправильно. Проезжая мимо пятиэтажного строения длиной, наверное, больше километра, никто никогда не подумал бы, что это обычный бизнес-парк.

Здание построено на склоне холма. Со стороны парковки видны только три верхних этажа, и каждый из них окружен длинным тенистым проходом, по которому можно пройти из одного конца здания в другой, если вы захотите подышать свежим воздухом.

А с другой стороны... Да, там действительно захватывающий вид! На той стороне все пять этажей смотрят на широкий неглубокий каньон, и оттуда открывается восхитительный вид на всю долину внизу.

Если вы не в курсе этого, то вполне можете принять здание за больницу или технический колледж. Но вот уже сорок лет здесь располагается штаб-квартира «Фокс Индастриз», и когда мы входим в вестибюль первого этажа, я всегда радуюсь тому, что работаю здесь.

Но только не на отца.

Ну, технически я работаю и на него тоже. Мы с Тиффани работаем на всех в компании. У каждого руководителя

своя команда, но бизнес-ассистенты, такие как мы с Тиффани, делают всю рутинную работу.

Ответить на звонок? Да. Провести экскурсию? Каждый день в десять и два, если кому-то хочется заглянуть за кулисы. Сделать копии, подготовить документы, сформировать папки для презентаций, отнести что-то из одного конца здания в другое, внести данные в ведомость для анализа? Да, да и еще раз да.

Это не совсем то, чем я предполагала заниматься, получив диплом в сфере администрирования бизнеса, и совсем не то, чего хотел бы мой папа. Сразу после учебы он предложил мне неоплачиваемую стажировку в качестве аналитика в своем отделе с полной уверенностью, что двенадцать недель спустя я останусь работать на постоянной основе. Хотя умственная работа очень меня привлекает, я хочу достигнуть карьерных высот самостоятельно, и мы сошлись на том, что я буду работать в «Фокс» не там, где он господствует, оставаясь при этом финансово независимой. Может, моя зарплата невелика, но каждое пенни, заработанное лично мной, много для меня значит.

Однажды я сама поднимусь по карьерной лестнице и буду использовать интеллект, унаследованный от папы, но сейчас я выполняю свои обязательства и наслаждаюсь работой. Дел бесконечно много, но я могу справиться с ними с закрытыми глазами и связанными за спиной руками, подпрыгивая на одной ноге.

Хм, может, стоит как-нибудь бросить такой вызов Тиффани и посмотреть, что будет?

К несчастью для нас с Тиффани, мы опаздываем на десять минут и, заходя внутрь, видим нашу верную погибель, нашего босса Миранду, которая отвечает на звонки в вестибюле и напоминает курицу с отрубленной головой. Раньше она сама сидела на телефоне и с трудом проложила путь до руководящей должности, но, думаю, прошло немало времени с тех пор, когда она последний раз была на передовой.

Она отлично сложена, в ее каштановых волосах поблескивает седина, подчеркивающая ее зрелость, а ее суперстройную и нетипичную для матери двоих детей фигуру облегает такой же, как у нас, деловой наряд.

«Интересно, подойдет ли она моему отцу?» – спрашиваю я себя, но потом вспоминаю, что ее дети едва достигли подросткового возраста, и вычеркиваю из списка потенциальных претенденток. Папе это не нужно, и вообще он уже знаком с Мирандой, и если бы между ними проскочила искра, он бы это заметил.

Прямо сейчас искры сыплются из ее глаз, она смотрит на нас испепеляющим взглядом из-под очков и шипит:

– Где вас носит? Вы опоздали.

– Это все она, – тут же отвечает Тиффани, показывая на меня большим пальцем. – На дорогах полно машин, а она водит, как моя бабуля, – сообщает она, прикрывая рот.

Миранда окидывает ее презрительным взглядом, а затем

дает указания:

– Приступайте к работе. Через полчаса у меня встреча с мистером Вулфом, а я не готова, за что вам большое спасибо.

Миранда уходит, оставляя нас работать за стойкой одних. Не то чтобы мы не справляемся. Большую часть времени мы занимаемся координацией действий посетителей, сотрудников доставки или внешних подрядчиков.

Самая частая проблема, с которой мы сталкиваемся, – это объяснить новому посетителю, что он в вестибюле, куда только что вошел через входную дверь, и чтобы попасть на второй этаж, ему нужно спуститься на лифте вниз.

– Зачем они так сделали? – спрашивает меня Тиффани, проводив очередного потерявшегося доставщика кофе. Я бросила ей вызов говорить с акцентом, и на пути к лифту она изображала неплохой фальшивый испанский акцент. Вернувшись к обычному голосу без раскатистого «р», она сказала:

– Мы работаем здесь больше двух лет, а я до сих пор не в курсе.

– Папа сказал, что некоторые сотрудники с двух нижних этажей грозились устроить забастовку, – говорю я, проверяя кучу лежащей передо мной почты на наличие наклеенных марок и этикеток. – Они были, мягко говоря, недовольны работой в так называемом подвале с отрицательной нумерацией этажей, поэтому руководство изменило нумерацию лифтов и перекрасило номера на лестничных пролетах. Угроза

забастовки исчезла.

Я щелкаю пальцами, чтобы подчеркнуть свою мысль.

– Люди глупые, – говорю я с тяжелым вздохом, но понимаю, что порой подобные мелочи могут быть признаком чего-то более серьезного, поэтому не слишком сержусь на нытиков.

За исключением случаев, когда мне приходится отвечать в сотый раз на один и тот же вопрос.

Я снова переключаю внимание на проверку почты, какое-то время игнорируя Тиффани. Хотя я и люблю свою работу, но она бывает нудной и однообразной, как сейчас: проверка марок и этикеток на исходящих письмах. Но Тифф не дает мне скучать, периодически подбивая меня на всякие глупости, например, приклеить на задницу розовый стикер, когда я иду за кофе.

– Ой, как так получилось? Спасибо! – говорю я леди, которая шепотом сообщает мне об этом, будто боясь опорочить мое честное имя.

Я тихонько смеюсь, возвращаясь за стойку. На слишком безумные поступки времени нет, что, скорее, к лучшему. Мы сидим на телефоне, отвечаем на вопросы и работаем как информационный центр практически для всего здания.

Сразу после обеда я вижу, как в здание входит группа мужчин в костюмах, оживленно беседующих между собой. В этом нет ничего необычного, ни в костюмах, ни в беседах. «Фокс» – успешная компания, потому что не относится

к своим сотрудникам как к роботизированным болванам, и многие действительно любят свою работу.

Но есть среди этих костюмчиков кое-кто особенный, идущий позади остальных, и Тифф толкает меня локтем, когда замечает его:

– Чтоб меня...

Я слежу за ее взглядом и вижу его: босса Миранды, полагаю, технически и *моего* босса тоже, поскольку он руководит отделом внутренних операций.

Великий и ужасный Вулф.

Колтон Вулф.

Высокий темноволосый красавчик с самым сексуальным британским акцентом, который я когда-либо слышала. Он – образец нового поколения руководителей «Фокс»; мужчина, у которого есть все: мозги, стержень и достаточно сексуальности, чтобы даже двубортный габардиновый костюм сидел отлично.

Проходя через вестибюль, он не говорит ни слова. Он даже не смотрит на меня, хотя я уже не помню, сколько раз пыталась привлечь его внимание.

Я приносила ему утренний кофе, изображала приступ чихания, а однажды уронила папку прямо у него под носом и наклонилась, чтобы поднять ее. Естественно, на все это меня подбивала Тиффани.

После фокуса с папкой я сдалась, потому что он прошел, не соизволив даже взглянуть на мои виляющие бедра.

Сказать, что он красив, – значит ничего не сказать. И тот факт, что я работаю в отделе, которым он руководит, что я *работаю под ним*... Да, у меня была парочка фантазий, связанных с этой фразой в совершенно другом смысле.

Но он не сказал мне ни единого слова. Я два с лишним года в компании, если считать летние стажировки, и самое большее, что он сделал за это время, – это дал небольшую двухминутную приветственную речь на встрече с новыми сотрудниками в мой первый рабочий день.

– Бросаю тебе вызов... заговорить с ним.

Я поворачиваюсь к Тиффани: она широко улыбается, глядя на меня. Я не могу винить ее. Я постоянно выношу ей мозг по поводу ее увлечения моим отцом, поэтому нельзя винить ее за то, что она подтрунивает над моей тайной увлеченностью Колтоном.

– Тифф, мы уже сто раз говорили. Помнишь случай с виляющим задом? Он безнадежен.

– Я серьезно, – говорит она, по-прежнему улыбаясь, как будто только что сбежала из психушки. – С тех пор как ты положила на него глаз, ты постоянно за ним наблюдаешь, а он тебя даже *не заметил*. Это твой шанс. Если он обратит на тебя внимание и пойдет дальше, ты будешь знать наверняка. Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

– Тифф, – возражаю я, понимая, что она бросает мне вызов и отказаться будет нелегко. – Он наш босс. Или босс Миранды. А это значит, что если я поставлю себя в глупое по-

ложение, то она доконает меня прежде, чем закончится рабочий день. И здесь есть опасная близость ко второму правилу – никакого интима.

Тиффани остается непоколебимой и скрещивает руки на груди.

– Я же не заставляю тебя трахнуть его на столе. Я лишь настоятельно рекомендую поговорить с ним. Лицом к лицу, с глаза на глаз. Я бросаю двойной вызов: назвать Колтону Вулфу свое имя и сказать, как он сексуален в костюме.

Двойной вызов. Черт. Я не могу. Не могу. Это так глупо, хотя ее слова рисуют очень даже сексуальную картину нас двоих, но...

Он проходит мимо, мое сердце выпрыгивает из груди, и прежде чем что-либо осознать, я открываю рот:

– Доброе утро, мистер Вулф! Милый костюмчик!

Я стараюсь, чтобы голос звучал непринужденно, не думая о том, что сказала Тифф. Хоть я и сорвиголова, но не хочу быть уволенной за сексуальные домогательства после того, как поведаю ему о своих грязных мыслях, которые действительно возникают в моей голове при виде него.

Видите? У меня есть границы. Они просто очень далекие и широкие.

Мои щеки пылают, а желудок сводит. Я жду, что он повернется, посмотрит на меня и скажет что-нибудь. Что угодно.

Но он только кряхтит и идет дальше, как будто меня вообще здесь нет.

– Seriously? – спрашивает Тиффани, когда Колтон исчезает в лифте для руководства. – Милый костюмчик? Ты меня разочаровала.

Ладно, возможно, я не справилась с заданием. Но даже после неудачи мое сердце поет, и я снова чувствую приятное покалывание, так что это не полный провал.

«Вот и снова он».

Я ничего не говорю, потому что знаю: Тиффани втянет меня в неприятности, если я взгляну на нее.

Этим утром она уже бросила мне вызов: съесть оргазмический пончик с двойным шоколадом из магазинчика рядом со «Старбаксом». То есть вызов заключался не в том, чтобы съесть пончик, а в том, чтобы изобразить оргазм от его поедания прямо там, в магазинчике, как в фильме *«Когда Гарри встретил Салли»*.

Испытание пройдено.

С чудовищным смущением, с хихиканьем, но пройдено. И пончик был очень вкусным, поэтому я купила еще дюжину для коллег и оставила в знак благодарности два бакса на чай улыбающейся девушке за терпение нашего безумства. Билли и Рикки съели по три пончика каждый, но папа отказался, похлопав себя по плоскому животу. Даже Миранда съела один, прочавкав «спасибо».

Осознавая, что должна игнорировать Тиффани, я все равно поднимаю глаза и вижу, как Колтон идет по вестибюлю

с парочкой других высокопоставленных руководителей компании.

Я знаю их имена и, возможно, обедала с ними когда-то, когда была младше. Но поскольку сейчас они воспринимают меня исключительно как ассистентку, я не знаю о них ничего, кроме имен и должностей в структуре организации. Я проклинаю себя за неопытность и непредусмотрительность, за то, что не запоминала, кто из них любит оперу, кто предпочитает шардоне виски и какие роли играют в «Фокс» все те, кто сидел за столом с моим отцом. Я практически слышу, как папа шепчет мне об упущенных возможностях, но, замурив глаза, заставляю его умолкнуть.

Мой взгляд в большей степени сосредоточен на Колтоне.

Сегодняшний костюм еще сексуальнее вчерашнего: темно-синий цвет идеально сочетается с его темно-голубыми глазами.

И так продолжается годами, с начала моей работы в «Фокс». Стоит только подумать, что в своих фантазиях я не могу повысить свое бедное эго и либидо, как он повышает их на несколько уровней.

Но он так ни разу и не посмотрел в мою сторону.

– Да.

– Как думаешь, он скажет тебе что-нибудь сегодня? – спрашивает Тиффани, продолжая лелеять надежду. – После того как вел себя, словно огромный эрегированный хрен, и игнорировал тебя?

Теперь я думаю об эрегированных пенисах и вспоминаю, что мне необходимо лечь в постель с чем-то с пульсацией.

У Колтона есть пульс. Готова поспорить, у него четкое и сильное... сердцебиение.

– Мисс Картер? – решительно произносит британский голос. Я мечтательно думаю, что он звучит так, словно мед растекается по льду, и лишь потом осознаю, что, собственно, говорит именно он. Жаль, обращается не ко мне.

Тиффани и я в шоке поднимаем глаза, понимая, что Колтон остановился прямо перед нашей стойкой. Миранда, просматривающая журнал посещений, удивленно смотрит на него:

– Да, мистер Вулф?

– На минуточку, пожалуйста, – говорит он и ведет Миранду к лифтам. Он нажимает на кнопку, давая ей понять, что разговор будет быстрым, а затем начинает допрос с пристрастием. Хоть он и пытается следовать классическому правилу руководства «хвалить – прилюдно, упрекать – наедине», благодаря акустике в вестибюле мы слышим его голос.

– С какой целью вы направили мне отчет об экспортных поставках? – спрашивает Колтон. Сладких, как мед, нот как не бывало в его голосе, остались лишь ледяные, пронизывающие. – Какое мне дело, сколько посылок отправлено?

Я помню этот отчет. Я сама отнесла бумаги к нему в офис по распоряжению Миранды.

– Сэр, во время нашей последней встречи вы сказали, что

хотели бы ознакомиться с практикой перевозок, и...

– И вы прислали мне массу электронных таблиц и цифр, – рычит Колтон. – Мне не нужны данные, чтобы самому проводить анализ. Я полагал, что вы сделаете анализ и отправите сводку в одну страницу, как мы обсуждали. Мне нужны итоговые данные о расходах на доставку в отделе, и если вы придумаете способ сокращения расходов, то не упустите возможность включить его в ваш анализ.

– Я... прошу прощения, сэр, – говорит Миранда. – Я думала...

– К концу дня, мисс Картер.

Раздается звонок, лифт открывается, и Колтон исчезает внутри, оставив Миранду стоять, склонив голову.

Когда двери закрываются, я вижу, что Колтон уже погрузился с головой в телефон. Миранда поворачивается, ее лицо напряжено от гнева, и, возможно, ей немного стыдно за недавнюю выволочку.

– Вам двоим все еще нечем заняться?

Ее вопрос застает меня врасплох. В конце концов, я была всего лишь посыльным, а она набрасывается на первых попавшихся под руку – на нас.

Я стою и неожиданно оступаю, когда мой левый каблук скользит по ковру, ударяюсь о длинный стол, за которым сидим мы с Тиффани, но удерживаю в руках стопку бумаг.

– Миранда, я только взяла эти...

Миранда не желает ничего слушать.

– Девочки, парень из «Федэкс»² скоро будет здесь. Если заставите его ждать, я за последствия не ручаюсь.

Она уходит, и Тиффани бросает ей вслед сердитый взгляд, а затем на ее лице снова появляется привычная профессиональная мягкая улыбка.

– По крайней мере, он остановился и заговорил. И на этот раз он должен был увидеть тебя. Он стоял прямо перед тобой!

– Ну, если и увидел, то явно был не в восторге. Никаких признаний в вечной любви и расспросов, где я была всю его жизнь. – Я прижимаю запястье ко лбу, изображая девушку Викторианской эпохи, впервые выезжающую в свет и готовую упасть в обморок. – Бедная я, несчастная. Что же мне делать?

Тиффани широко раскрывает глаза, и я знаю, что она вот-вот разразится идеями.

– Это риторический вопрос, мисси. – Я показываю пальцем на нее, а затем на стопку коробок, виднеющихся через открытую дверь почтового отделения. – Иди работай, иначе я брошу тебе вызов с Арнольдом.

Угроза небеспочвенна, потому что наш водитель «Федэкс» – очень неприятный тип и вечно спешит. Мы на горьком опыте научились никогда его не задерживать, после того как он без колебаний оставил наши посылки на долгие

---

² FedEx – американская компания, предоставляющая почтовые, курьерские и другие услуги логистики по всему миру (*прим. ред.*).

праздничные выходные, хотя у нас было еще целых тридцать минут. После этого фиаско мы стали называть его Мерзким Арнольдом.

Но это сработало, потому что теперь мы всегда готовы как минимум за час до его появления.

Мы работаем весь день напролет, Арнольд приходит и уходит с коробками, и я провожу экскурсию двум милым старушкам, которые хотят поговорить об архитекторе, спроектировавшем здание. Телефон звонит без перерыва, и я распечатываю около тысячи экземпляров годового отчета для предстоящего собрания акционеров.

В конце дня наконец появляется Миранда. Я почти уверена, что она пропустила обед, потому что весь день торчала в офисе, зализывая раны.

– Элла, отнесешь это наверх, пожалуйста? Это очень важно. – Она не говорит, что это отчет, который потребовал Колтон, но мы все и так догадываемся. – Мне нужно идти. Ровно в пять тридцать у дочери заканчивается тренировка по волейболу.

Она смотрит на огромную стену в фойе вестибюля, где многочисленные часы показывают время шести основных часовых поясов по всему земному шару.

Миранда не такая уж плохая. Я сужу по тому, что она на первое место ставит детей, так же как и отец когда-то. Но мне по-прежнему кажется, что она ему не подходит. Для него миновала пора воспитания детей, а я была отнюдь не про-

стым ребенком. Думаю, что теперь он заслуживает быть с той, у которой также прошел этот этап, с кем он может по первому зову отправиться в путешествие, потягивать вино и наслаждаться всеми прелестями среднего возраста.

Я беру отчет, единственный лист бумаги. Поворачиваюсь, чтобы взять папку и вложить его внутрь, давая Миранде понять, что осознаю, насколько важен для нее этот документ.

– Конечно, Миранда. Надеюсь, Изабелла делает успехи в волейболе. Хорошего вечера.

Она кивает головой с благодарной улыбкой. Мгновение спустя Миранда с сумочкой на плече устремляется к выходу.

Большинство уходит около пяти, хотя у нас нет фиксированного рабочего дня с восьми до пяти. Мы с Тиффани обычно работаем до шести, чтобы убедиться, что последние письма попали на почту, и в случае необходимости помочь руководителям после ухода их ассистентов.

Последний час рабочего дня проще пареной репы: меньше звонков, меньше людей и меньше работы. Это значит, что мы можем наворотить всякого, но не сегодня.

– Я отнесу это в кабинет мистеру Вулфу. Скоро вернусь, – говорю я, стараясь звучать равнодушно, но в желудке у меня все переворачивается от волнения.

Когда я приносила предыдущий отчет, тот самый, за который влетело Миранде, я передала его помощнице мистера Вулфа. Но сейчас, когда на часах чуть больше пяти, есть вероятность, что она уже ушла, и я загляну прямо к нему в

кабинет.

Интересно, как он выглядит? Гламурный и современный, как это здание? Традиционный и темный, как английский паб? Или что-то среднее?

Мысль о предстоящем открытии будоражит меня.

Или, может быть, помощница ушла, и он в своем кабинете, вызовет меня и попросит принести отчет. И он поднимет на меня глаза и безнадежно влюбится – или просто захочет – я не привередлива – с первого взгляда.

– Не так быстро, – резко говорит Тиффани. – Это твой шанс, возможно, один-единственный в жизни. Воспользуйся этим.

Моя идеально очерченная бровь изгибается.

– Воспользоваться чем? – спрашиваю я, как будто вовсе и не думала, что могу узнать кое-что о Колтоне, увидев его кабинет. И определенно не фантазировала о том, как он в безумном порыве смахивает все со своего стола на пол, чтобы расчистить место и овладеть мной прямо там.

– Хорошо, предлагаю сделку. Если Колтон там, я бросаю тебе вызов по-настоящему поговорить с ним, пофлиртовать, четко и ясно показать, что ты невыносимо жаждешь оказаться на его члене. Сядь к нему на колени или типа того, – говорит она, к счастью, смеясь, потому что я совершенно точно так не сделаю. – Если нет...

Она напевает под нос, постукивая бордовым ноготком по губе, и я задумываюсь, когда это она успела сделать мани-

кюр, потому что мы обычно ходим вместе. Но потом я вспоминаю, как она говорила, что ей нужно сбежать от Эйса на выходных, и догадываюсь, что она как раз ходила в салон.

– Если его там нет, ты должна будешь... оставить знак, – наконец говорит она.

Я хмурю брови.

– Что? Оставить знак? Что это значит?

Она кивает, как китайский болванчик, и ее пучок на голове вот-вот развалится.

– Выбор за тобой, но вознаграждение соответствует риску. – Она складывает пальцы домиком, как маниакальный злодей, архитектор моего удовольствия. – Если оставишь трусики на столе или в кресле, все напитки в выходные и поздний завтрак в воскресенье за мой счет, и еще я оплачу твои следующие маникюр и педикюр. За отпечаток задницы на столе – напитки в пятницу. За селфи в его кресле – один напиток. Или же... Переместишь все на один дюйм влево – с меня маникюр и педикюр. Нарисуешь усы на его милом портрете на стене – получишь напиток. Или придумай еще что-нибудь. Жду не дождусь, чтобы увидеть тебя в деле!

Ее нетерпение заразительно и вызывает тревогу.

– Откуда ты знаешь, что у него на стене висит портрет? – спрашиваю я, ощущая в теле неслабый всплеск ревности.

Тиффани самодовольно улыбается.

– Ниоткуда, но думаю, что это весьма неплохая догадка. Ты в деле?

Она протягивает руку.

Я знаю, что она настроена серьезно, но это не просто глупый вызов: он может стоить мне работы.

Я чувствую, как сердцебиение учащается. Предвкушение и азарт, опасность и риск играют против адекватности и здравого смысла.

Я уже знаю, кто одержит победу, поэтому пожимаю ей руку.

Глава 3. Колтон

Передо мной расстилается каньон, мягкий золотой свет утреннего солнца обволакивает кроны дубов и траву, напоминая о доме. Бессмыслица какая-то. Поместье моей семьи находится в той части Англии, где куда больше зелени, чем в аллее за моим офисом. Но откуда тогда такие ассоциации?

Возможно, из-за запаха?

В утренний час, подобный этому, когда я пью чай на балконе своего кабинета в перерыве между работой, роса начинает испаряться с дубовых листьев. Я ощущаю запах, который напоминает мне о доме, где растут дубовые заросли, такие плотные, что невозможно пройти сквозь них без брюк и рубашки с длинными рукавами.

В преддверии напряженного дня у меня есть лишь минутка на чай, и я должен сосредоточиться на важной встрече. Но когда я невидяще смотрю на зеленые просторы, почему-то думаю совсем не о своей презентации.

– Черт побери, Колтон, – рычит отец, оглядывая меня с ног до головы. – Стоило тебе выйти в город, как ты тут же надрался на глазах у папарацци. Сколько ты еще будешь валять дурака?

Он держит низкопробную газетенку с моей фотографией на ней. Это двадцать вторая страница, даже не обложка,

но Эдвину Вулфу глубоко плевать.

– Все было не так, – протестую я, стоя как истукан. С младых ногтей я усвоил, что сутулиться в присутствии Эдвина Вулфа недопустимо. – Я даже кружку не успел допить!

– Тебя сфотографировали в пабе! – кричит отец, и на его лбу гротескно выступает вена.

И в этом вся суть. Дело не в том, что я был там и выпивал. Меня просто там сфотографировали. В конце концов, имидж – это все. По крайней мере для отца.

– Эдвин! – возражает мама, и я подумал на секунду, что она собирается вступить за меня. Голос разума посреди перепалки. Но я ошибся. – Не расстраивайся из-за Колтона. У тебя же сердце, помнишь?

Но у моего отца нет проблем с сердцем. Он здоров и крепок настолько, что может всыпать мне по первое число. Но наша перебранка нервирует маму, хотя она никогда в этом не признается.

Она поворачивается и смотрит на меня глазами, полными разочарования. Ее губы дрожат:

– Почему ты просто не делаешь то, что следует? Как Эдди?

Ах да, мой братец. Эдвин Вулф Третий, или Эдди, как он предпочитает чтобы его называли. Как будто это пристойное английское имя. Но в глазах родителей он идеален – хороший, послушный сын...

Двуличный ублюдок, из-за которого я попал в этот переплет, потому что пришел в паб, чтобы забрать его тощую задницу по просьбе бармена. К моему несчастью, он вышел отлить, когда заявили папарацци.

– Верное замечание, Мэри, – говорит отец, допивая остатки скотча, и ставит пустой стакан на бювар письменного стола.

– Колтон, я еще не знаю, что с тобой делать, но не позволю тебе порочить честное имя Вулфов, мальчик.

Пренебрежительное прозвище выталкивает меня из неприятных воспоминаний, обжигая сердце пламенем горечи. Я знаю, что не был идеальным, но и не был отбившимся от рук бездельником, коим меня считали родители, точно так же, как и Эдди не был святым.

Однако я знал, в какой момент уехать, и уехал. Я пересек океан, чтобы сделать собственное имя и сколотить состояние, намереваясь вернуться домой с триумфом и бросить свой успех в надменное лицо своего отца.

Сегодня предстоит сделать большой шаг к этому триумфу и к тому, на чем я должен сосредоточиться: не на прошлом, а на будущем и возможностях, которые в нем сокрыты.

– Сэр?

Оставив утреннюю свежесть за окном, я возвращаюсь в кабинет с работающим кондиционером и вижу свою секретаршу Хелен в дверях. Она – профессионал и очень компе-

тентный сотрудник. Признаться, без ее помощи я не достиг бы таких высот в Америке. Местный деловой этикет бывает очень... запутанным. Хотя иногда я использую небольшие культурные различия в своих интересах. Возможно, с моим отцом было трудно расти, но если он чему-то и научил меня, так это использовать силу в свою пользу.

– Да, Хелен?

– Вам пора на собрание.

Она протягивает стопку брошюр для презентации – программу моего выступления перед советом.

– Спасибо, Хелен. Пожелай мне удачи.

Мне не нужна удача. Фортуна любит трудолюбивых и подготовленных, но американская поговорка меня веселит.

Я занимаю свое место в конференц-зале, где проходят наши еженедельные встречи. Перед глазами промелькнуло лицо отца, говорившего со мной свысока. Когда-то это глубоко меня ранило, но теперь я извлекаю из этого пользу.

Это дает мне сил и мотивирует, мои руки, лежащие на коленях, сжимаются в кулаки. Недели напролет, сидя за компьютером, я корпел, создавая по крупицам свою идею.

Я знаю, что у меня получится.

Скоро увидимся, отец.

В передней части зала Дэниел Страйкер, который ни на секунду не сомневается, что станет новым региональным президентом второй штаб-квартиры, представляет свою

идею.

– В то время как расположение первой штаб-квартиры стратегически важно для Западного побережья, размещение второй штаб-квартиры на предлагаемом мной участке позволит нам установить связи не только по всему Восточному побережью, но и с транспортным узлом, находящимся в Европе. А при нынешнем составе палаты представителей, которые к нам благосклонны, я просто не могу понять, почему бы нам не выбить *страйк*, пока все кегли так удачно стоят?

Его последняя шутка, не такая остроумная, как типичная хохма отца, завязанная на его фамилии, вызывает смешки, и за столом звучат вежливые аплодисменты, и Дэниел старается не выглядеть слишком самодовольным. Но он терпит неудачу, и ему ничего не остается, как сесть и помахать ручкой присутствующим, воображая себя чертовой королевой.

Сидящий во главе стола Аллан Фокс, председатель собрания и генеральный директор компании, лучезарно улыбается:

– Очень интересно. Спасибо, Дэниел.

Я трезво оцениваю ситуацию и знаю, что решение уже практически принято до начала моей презентации. Но я верю в то, что предлагаю, для этого намного больше причин, чем я собираюсь озвучить. И вот приходит мой черед блистать.

Аллан смотрит мне в глаза, и я клянусь, что вижу в его взгляде малюсенький намек на жалость, но он не сдаётся:

– Колтон, вы следующий.

Я встаю, лезу в карман и вытаскиваю флешку с презентацией, и вставляю ее в USB-порт на ноутбуке, подключенном к экрану позади меня. Брошюры, над составлением которых так усердно работала Хелен, оказываются в руках моих коллег, и когда они перелистывают обложку и видят первые заметки моего плана, в зале слышится их шепот.

– Господа, вы позволите? – спрашиваю я, поднимая бровь и прерывая шепчущих коллег. Аллан кивает, и я начинаю.

– Факты представлены. Несмотря на удобство и простоту пребывания на местном уровне, мир стал более взаимосвязанным, чем когда-либо. И благодаря интернету привычный мир сузился в разы, поэтому нам стоит выйти за пределы комфорта в большой мир. Мы – интернациональная организация и, действуя таким образом, увеличим нашу зону влияния на рынке. Но для того чтобы сделать это эффективно, нужно взглянуть на картину целиком. Нам нужно расширить присутствие за границей.

Я нажимаю на первый слайд, который представляет собой простой список часовых поясов.

– Наглядный пример. Не обижайтесь, вы все усердно работаете, но иногда чертовски трудно работать с европейскими клиентами: когда они уже заканчивают рабочий день, мы только заканчиваем наш утренний кофе... или чай.

Шутка, относящаяся ко мне, вызывает у Аллана мимолетную ухмылку, и он кивает. Я нажимаю на следующий слайд,

озвучивая свои идеи о том, как международная штаб-квартира поможет «Фокс» усилить влияние на зарубежном рынке, обеспечит тесную связь с клиентами, повысит эффективность и так далее.

– Возможно, здесь я немного предвзят, но уверен, что Лондон – идеальный вариант для реализации нашего потенциала, – продолжаю я. – С учетом возможности использовать деловые связи Содружества, а это пятьдесят три страны и примерно два с половиной миллиарда потенциальных клиентов, к которым мы только что подключились.

Последнее предложение сказано, и в конференц-зале воцаряется тишина.

– Колтон, это блестящая идея, но сколько из этих стран в финансовом отношении важны для нашей деятельности? – спрашивает Джим Робертс, один из членов правления, который немного моложе Иисуса. Отсюда и его не очень вежливая с политической точки зрения терминология.

– Джим, им всем есть что предложить, – обещаю ему я. – Они могут выступить в качестве клиентов или потенциальных поставщиков материалов, товаров или информации. Мы уже поставляем примерно двадцать пять процентов из наших крупномасштабных сделок нашим европейским клиентам, и если бы у нас было местное представительство, то поставок стало бы гораздо больше. Ключ – вторая штаб-квартира в Лондоне. И если мы упустим эту возможность, то потеряем... много денег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.